

Ноа понял его намерение и с усмешкой спросил:

— Почему не попросишь у меня пистолет?

— А ты готов его дать?

— Если хочешь — почему бы и нет? Назови меня мужем, и он твой.

Сказав это, Ноа в ожидании уставился на Ци Юаня.

Кто бы мог подумать, что Ци Юань не проронит ни слова. Его красивые, ясные черные глаза впились в Ноа, а кожа, белая, словно нефрит, на глазах начала наливаться краской, стремительно краснея вплоть до самых кончиков ушей.

Было очевидно: Ци Юань до такой степени разозлился, что лишился дара речи.

Ноа и сам не ожидал, что Ци Юань может вспыхнуть от ярости до такой степени.

Впрочем, неудивительно. Пять лет в тюрьме он с таким трудом поддерживал образ натурала, что если бы его удалось сломить всего за пару дней, он бы просто перестал быть самим собой.

— Ладно, ладно, это была шутка. Чего ты так злишься, аж покраснел? Стал похож на розу.

— Господин Ноа, сегодня я сполна оценил ваше бесстыдство и глупые шутки, — процедил Ци Юань сквозь зубы.

Ноа же, напротив, получил огромное удовольствие, дразня его. Он никогда не думал, что подкалывать натурала — такое забавное занятие.

— А Юань, твой характер немного скучноват. Добавь в жизнь немного шуток и юмора, так станет куда интереснее.

— Моя жизнь интересна и без всяких шуток, — упрямо ответил Ци Юань.

Видя, что тот по-прежнему держится с предельной серьезностью, Ноа подумал: шутить иногда можно, но если переборщить с таким невозмутимым человеком, то, когда придет время сказать правду, он наверняка примет её за очередную шутку.

Опасаясь потерять доверие, Ноа сбросил улыбку и произнёс:

— Я приставил к тебе телохранителя, но если тебе действительно нужно холодное оружие для защиты, я могу подарить тебе кинжал. Только договоримся: кинжал, который я тебе дам, не должен быть направлен против меня.

— Я не неблагодарная тварь, — серьезно ответил Ци Юань.

Ноа улыбнулся:

— Что еще нужно? Ты повредил руки и ноги, какое-то время придется соблюдать постельный режим, никуда не выйти. Может, принести книги, чтобы не скучать?

— Спасибо, я бы не отказался.

На этот раз Ци Юань был искренне благодарен. Он не мог не признать: несмотря на то, что иногда шутки Ноа заставляли его краснеть от гнева, тот вел себя как настоящий джентльмен и действительно заботился о нем.

Если бы он не был натуралом, то, пожалуй, давно бы растаял от подобной нежности.

Добившись своего, Ноа поднялся:

— Отдыхай. У меня дела, я пойду.

Он хотел потрепать Ци Юаня по пушистой макушке, но, заметив на голове бинты, вовремя одернул руку.

— Поправляйся.

Повторив это, он, не оглядываясь, покинул комнату.

Вскоре после ухода Ноа слуга принес теплую воду, полотенце и зубную щетку. После утренних процедур подали завтрак: молоко, хлеб и яичницу. Жизнь богачей была поистине комфортной — даже лежа в постели, он был окружен заботой.

В девять утра пришел семейный врач для планового осмотра. Ничего серьезного не обнаружилось, оставалось только дожидаться заживления травм. Если не возникнет невыносимых болей, в следующий раз врач придет только снимать гипс.

Вскоре после ухода медика в дверь постучали.

Вошел телохранитель в черном костюме — молодой мужчина с глубокими, волевыми чертами

лица. Он был весьма хорош собой, если бы не заметный шрам на левой щеке, который придавал его красивому лицу особый оттенок.

В руках он держал семь книг. Поклонившись, он произнес:

— Здравствуйте, господин Ци Юань. Меня зовут Аша Честер, я телохранитель, присланный главой семьи для вашей охраны. Это книги от него.

Ци Юань кивнул. Аша положил книги на прикроватную тумбочку, куда Ци Юань мог легко дотянуться. Тот взял верхнюю — сборник стихов. Ци Юань был образован, неплохо учился и когда-то читал поэзию, но это были зарубежные авторы, которых он совсем не знал.

Впрочем, он быстро осознал: это другой мир, и искать здесь писателей из своей реальности было бы странно.

Не успел он открыть первую страницу, как Аша добавил:

— Господин Ци Юань, это еще один подарок от главы семьи.

Ци Юань поднял взгляд. В руках Аши покоился серебряный кинжал. Ножны были украшены изящным узором и инкрустированы красивым сапфиром.

Ци Юань взял кинжал, разглядывая камень, и подумал: если продать этот сапфир, хватит на жизнь до конца дней.

Он вытянул лезвие — острое, сверкающее. Работа была превосходной.

Ци Юань не ожидал, что Ноа действительно даст ему оружие для защиты. Он поймал себя на мысли: а если бы он сегодня утром, как того хотел Ноа, назвал его мужем, тот действительно дал бы ему пистолет?

От этой мысли щеки Ци Юаня вспыхнули. Если бы слово муж сорвалось с его губ, он бы в ту же секунду захотел вырыть яму и зарыться в неё от стыда.

Ци Юань пришел из другого мира, где у него были друзья-геи. Он всегда придерживался принципа: чужая жизнь — не его дело, чужой выбор — тоже. Он не испытывал неприязни к ориентации других, даже искренне радовался за любящие пары.

Но когда дело коснулось его самого...

Возможно, из-за пяти лет в тюрьме, где он постоянно сталкивался с теми, кто хотел посягнуть

на его тело, и где ему приходилось защищаться до крови, в нем выработалось стойкое отторжение.

Сейчас Ци Юань надеялся лишь на то, что Ноа просто играет с ним, а не испытывает настоящих чувств. Иначе он не знал бы, как отплатить за такую доброту.

Кинжал, подаренный Ноа, Ци Юань спрятал под подушку — так он мог достать его в любую секунду.

Убрав оружие, он принялся за книгу. Сборник стихов был полон любовной лирики, от которой веяло приторной сладостью. Тем не менее, он терпеливо читал стихотворение за стихотворением.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда снаружи послышались торопливые шаги и тревожные голоса.

Звуки стремительно приближались, и Ци Юань услышал голос дворецкого Себастьяна:

— Господин Леннон, у главы семьи строгий приказ: без его разрешения на второй этаж входить запрещено.

— Я же сказал, что не трону этого парня и пальцем! Ты, старый хрыч, понимаешь человеческий язык? Уйди с дороги!

— Господин Леннон, прошу вас, не врывайтесь силой, это проявление неуважения к семье Дэвис!

— Не надоедай мне своими правилами! Даже если я сегодня разнесу дом Дэвисов, Ноа не посмеет мне ничего сделать!

Дверь с грохотом распахнулась.

Пожилого Себастьяна с силой втолкнули внутрь; потеряв равновесие, он пошатнулся и с трудом устоял на ногах.

Услышав шум, Ци Юань уже отложил книгу. Его взгляд был прикован к дверному проему, а рука уже тихо скользила под подушку, сжимая рукоять кинжала.